

18+

Андрей Матвеев

**Американская
рапсодия у камина,
или ночь в горах
Кэтскилл**

Андрей Матвеев

**Американская рапсодия у камина,
или ночь в горах Кэтскилл**

«Издательские решения»

Матвеев А.

Американская рапсодия у камина, или ночь в горах Кэтскилл /
А. Матвеев — «Издательские решения»,

1920-е годы, эпоха джаза — время небоскрёбов, шумных вечеринок и иллюзии бесконечного праздника. Гарольд Томпсон привозит жену Эвелин в старинный отель в горах Кэтскилл — подальше от нью-йоркской суеты, туда, где воздух чист, а время будто остановилось. Но покой — лишь видимость. У мерцающего огня проводник Дик ван Брант рассказывает древние легенды гор — о жадности, проклятиях и трагической любви. Каждая история словно зеркало: в ней герои видят отражение собственных тайн и страхов.

© Матвеев А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие. «Отель минувших эпох»	6
Глава 1. «Полёт над долиной Гудзона»	7
Глава 2. «Человек на «Дюзенберге»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Американская рапсодия у камина, или ночь в горах Кэтскилл

Андрей Матвеев

© Андрей Матвеев, 2026

ISBN 978-5-0070-2817-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. «Отель минувших эпох»

В тот год, когда Америка строила небоскрёбы выше облаков, а на Лонг-Айленде зажигались огни вечеринок, которые гасли быстрее, чем обещания политиков, — в тот год в горах Кэтскилл, над долиной Гудзона, стоял отель «Catskill Mountain House». Он был стар, этот отель. Не той дряхлостью, что грозит обрушить крышу на голову, а той благородной старостью, когда каждое бревно в стене помнит голоса, которых уже нет, а каждая трещина в ставне хранит чей-то вздох. Весь его фасад из серого камня был покрыт патиной времени, а высокая крыша с медными водосточными трубами отливала зеленью. Восемь тосканских колонн поддерживали широкий фронтон, на котором когда-то красовалась лепнина в виде горных орлов — теперь орлы облупились, но их силуэты ещё угадывались в вечернем свете.

Он помнил времена, когда сюда приезжали в каретах, запряжённых четвёрками лошадей, и дамы носили кринолины, под которыми скрывались тайны, не менее тяжёлые, чем эти юбки. Помнил, как в его гостиных играли на роялях Шопена, а по верандам прогуливались вдовы гражданской войны в чёрных кружевах, похожие на старых ворон, которые всё ещё оплакивают своих убитых. Он помнил Вандербильтов — настоящих, старых, не чета нынешним выскочкам. Их имена ещё золотились на медных табличках в вестибюле, хотя сами давно истлели в семейных склепах.

И хотя эпоха золотых листьев давно миновала, отель всё ещё царил на своём уступе, как зажиточный родственник, который не разорился, но уже не может позволить себе приглашать оркестр каждую субботу. Огромные окна в пол, выходящие на долину Гудзона, были вымыты до прозрачности, но за ними уже не стояли горничные в накрахмаленных передниках — только портье в ливреях, чьи пуговицы давно не начищали до блеска. Запах воска, цветов и старых книг смешивался с запахом сигарного дыма и виски — тех самых запахов, которые не выветриваются, даже когда гости уезжают, а сезоны сменяют друг друга. В глубине вестибюля, за колонной, стояли напольные часы с маятником, который отсчитывал секунды с тем же равнодушием, с каким время стирает имена.

Вдоль фасада тянулась широкая веранда с плетёными креслами и маленькими столиками из кованого железа. Здесь, в тени навеса, в полдень пили чай, а в сумерках — джин с тоником. Перила веранды были увиты диким виноградом, чьи листья уже начали желтеть, предвещая близкую осень.

Сентябрь выдался тёплым. Слишком тёплым. Таким тёплым, что воздух над верандами дрожал, как струна, и старые клёны роняли листья раньше времени, словно торопясь забыть то, что должно было остаться в памяти до весны. Небо по утрам было ясным, прозрачным, с лёгкой дымкой на горизонте — той самой дымкой, которую старый Дик ван Брант называл «дыханием кузниц». Но к полудню на западе начинали копиться тучи, сначала белые, пушистые, потом — тяжёлые, свинцовые, обещающие грозу. Воздух становился плотным, липким, как патока, и запах озона щекотал ноздри. В такие минуты даже птицы замолкали, и в лесу воцарялась та особенная тишина, которая бывает только перед большим дождём.

— —

Глава 1. «Полёт над долиной Гудзона»

Субботнее утро выдалось ясным — таким ясным, когда небо над Манхэттеном становится не серым и дымным, а глубоким, синим, как воды Карибского моря. Утренний бриз доносил с океана запах соли и йода, а солнечные лучи, пробиваясь между небоскрёбами, ложились на асфальт золотыми полосами. В Центральном парке уже пожелтели первые листья, но город ещё не очнулся от летней спячки.

Гарольд Томпсон сидел на заднем сиденье своего «Роллс-Ройса» цвета воронова крыла. Рядом с ним, нервно сжимая на коленях маленькую сумочку из крокодиловой кожи, сидела Эвелин. Её изумрудные глаза смотрели в окно на мелькающие витрины Пятой авеню, но видели что-то другое — море в Хэмптонс, чужую улыбку, бокал шампанского, который она держала в ту ночь, когда всё началось. Пальцы её были холодны, хотя в машине было тепло.

— Дорогая, — сказал Гарольд, не открывая глаз (он предпочитал дремать в машине, чтобы быть свежим на месте), — ты взяла тёплые вещи? В горах холоднее, чем в городе.

— Всё взяла, Гарольд, — ответила Эвелин, не оборачиваясь.

Шофёр, пожилой ирландец по фамилии О’Брайен, работавший на Томпсонов уже пять лет и научившийся за это время не замечать того, что происходит на заднем сиденье, вёл машину к частному аэродрому в Квинсе. Тому самому — ровное поле с короткой взлётной полосой, обнесённое проволочной изгородью, где пахло бензином, дорогими кожаными портшезами и той особенной тишиной, которая бывает перед отлётом.

Их ждал самолёт. Маленький, двухмоторный, с серебристыми крыльями и кабиной, отделанной деревом и кожей. Пилот, молодой человек с усиками, в фуражке, лихо заломленной набок, помог пассажирам подняться по ступенькам и указал на мягкие кресла.

Но в салоне уже сидели двое.

— Профессор Артур Вуд, — представился невысокий плотный мужчина в пенсне, с аккуратной бородкой, в твидовом пиджаке, который, казалось, не менялся с 1910 года. — Моя жена Маргарет.

Маргарет Вуд кивнула с тем выражением спокойного превосходства, которое появляется у женщин, давно и прочно состоящих в браке с академической элитой. Она была выше мужа на полголовы, и её серые глаза смотрели на мир с лёгкой, но не злой иронией.

— Гарольд Томпсон, строитель, — буркнул он, плюхаясь в кресло напротив профессора. — Моя жена Эвелин.

— Очень приятно, — сказала Эвелин.

И улыбнулась той улыбкой, которая заставляла мужчин забывать о возрасте, кошельках и обязательствах. Профессор Вуд, например, забыл на секунду, что он счастлив в браке уже двадцать лет. Маргарет заметила это, но ничего не сказала.

Моторы взревели. Самолёт, слегка покачиваясь, побежал по полю, оторвался от земли — и Нью-Йорк остался внизу, рассыпавшись на квадратики кварталов, полосы мостов, блёстки залива, на серые ленты автострад, по которым миллионы людей ехали на работу, на пляжи, на поезда, в никуда. Внизу Гудзон извивался, как ргутная жилка, и его берега терялись в дымке.

В полёте Гарольд первым делом достал флягу — плоскую, обтянутую кожей, с медной крышечкой-стаканчиком. Он отхлебнул бренди, крикнул, и запах старого дуба и винограда наполнил салон. Потом передал флягу профессору.

— За знакомство, — сказал он. — Вы, я слышал, литературовед?

— Заведующий кафедрой в Колумбийском университете, — поправил Вуд, принимая флягу и делая крошечный глоток. — Но в данный момент я в отпуске. Решил сменить обстановку. Горный воздух, легенды... Через знакомого я нашёл одного старого проводника, потомка первых голландских поселенцев. Дик ван Брант его зовут. Он согласился показать нам окрестности.

— Дик ван Брант, — повторил Гарольд, пробуя имя на вкус. — Звучит надёжно. Как старый дуб.

— Он и есть старый дуб, — усмехнулся профессор. — Но знает о горах больше, чем написано в любом путеводителе.

Маргарет тем временем разглядывала Эвелин. Не с осуждением, а с тем профессиональным интересом, который возникает у людей, привыкших распознавать суть вещей. Она видела, как Эвелин держит бокал (ещё не наполненный), как поправляет воротник, как отвела взгляд, когда Гарольд назвал её своей женой. «Красива, — подумала Маргарет. — Очень красива. И несчастна. Но не от бедности. От чего-то другого, более сложного». Она заметила, как пальцы Эвелин, лежащие на подлокотнике, слегка подрагивают, когда самолёт попадает в яму турбулентности.

Эвелин, словно почувствовав этот взгляд, повернулась к Маргарет и сказала:

— Вы, наверное, тоже рисуете? Я заметила у вас в руке блокнот.

— Немного, — ответила Маргарет, не пряча блокнот. — Для души. Для памяти. Артур записывает легенды, я зарисовываю места. Так мы и путешествуем уже двадцать лет.

— Это прекрасно, — сказала Эвелин. И в её голосе прозвучала неподдельная зависть.

— Это жизнь, — поправила Маргарет.

Самолёт шёл на высоте, и под крылом проплывали зелёные холмы, фермы, коровьи стада, маленькие городки с шпилями церквей. Где-то там, впереди, уже поднимались зубчатые хребты Кэтскилл, покрытые синей дымкой. Небо на западе начинало сереть, но до грозы было ещё далеко. Облака напоминали старые паруса, надутые влажным ветром, и их тени ползли по земле, как живые существа.

Через час с небольшим они пошли на посадку. Частный аэродром у подножия горы встретил их запахом бензина, хвои и той особенной тишиной, которая бывает в горах перед большим дождём. Несколько лёгких самолётов стояли на приколе, блестя на солнце алюминиевыми боками. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались леса: дубы, клёны, берёзы — их кроны уже тронула осень, и кое-где среди зелени вспыхивали жёлтые и красные пятна.

— Отель «Mountain House» прислал за нами машину? — спросил Гарольд у пилота, когда они вышли на поле, вдыхая свежий, пахнущий травой и хвоей воздух.

— Да, сэр, — ответил пилот, указывая на подъезжающий «Паккард» с гербом отеля на дверце. — Ваш багаж доставят в номера.

Они сели в автомобиль, и дорога пошла вверх — петля между клёнами, огибая валуны, поднимаясь всё выше, к тому месту, где лес расступался и открывалась панорама на долину Гудзона. Вода в реке блестела, как расплавленное олово, а далеко на востоке, на горизонте, можно было разглядеть дымку, за которой скрывался Атлантический океан. Горы казались спящими великанами, их склоны были покрыты лесом, а вершины уходили в низкие облака.

— Вот это да, — выдохнул профессор, впервые за весь полёт откладывая свой путеводитель.

— Вот это и есть, — сказал Гарольд, попыхивая сигарой, которую зажёл, несмотря на запрет. — Америка, господа. Красивая, богатая и немного пьяная.

Он искренне считал, что его денег и связей достаточно, чтобы купить всё, включая счастье жены.

Он снова достал флягу и сделал глоток.

Глава 2. «Человек на «Дюзенберге»

Отель «Mountain House» встретил их прохладой мраморного холла, запахом воска и цветов, вежливыми улыбками портье в ливреях. Высокие потолки, лепнина по краям, старинные люстры, которые зажигали только по вечерам, — всё здесь дышало той эпохой, когда понятие «роскошь» означало не скорость, а основательность. Кресла с бархатной обивкой, на которых когда-то сидели сенаторы и тресты, хранили форму, но ткань на подлокотниках уже протёрлась. Пол был выложен мраморной плиткой в чёрно-белую клетку, и шаги отдавались эхом, как в соборе. В углу вестибюля стоял старый рояль «Стейнвей», закрытый чехлом, — на нём никто не играл уже много лет, но инструмент всё ещё помнил мелодии ушедшего века.

Они расписались в книге гостей, получили ключи от номеров — Гарольд и Эвелин заняли люкс на втором этаже с видом на горы, профессор с женой — соседний номер, чуть скромнее.

— Обед через час, — объявил управляющий, пожилой джентльмен в сюртуке, с бабочкой и седыми усами. — Надеюсь, вы проведёте время с комфортом. Кстати, господа, имейте в виду: с запада надвигается гроза. Если захотите прогуляться, лучше вернуться до сумерек.

В вестибюле было оживлённо. У камина, сложенного из тёмно-серого камня, четверо мужчин играли в покер, время от времени отхлёбывая из стаканов. У окна две дамы пили чай и шептались, поглядывая на вновь прибывших. Молодой человек в кепке что-то читал в газете, потом складывал её и снова разворачивал. Пахло сигарами, кофе и дорогим одеколоном. За столиком у стены сидел пожилой полковник в отставке, который каждый год приезжал сюда в одно и то же время, и никто не знал зачем. Он пил виски с содовой и смотрел в одну точку.

Гарольд направился к бару — длинной стойке из красного дерева, где застыл бармен в белом пиджаке. Он не был Вандербильт. Он был выходцем ниоткуда, пробившимся наверх благодаря бетону, стали и умению не спрашивать лишнего. Но в этом отеле, как и в любом другом, деньги стирали прошлое, как новый костюм стирает грязь улицы. Гарольд заказал двойной бренди, ни с кем не чокаясь, и отхлебнул, сощурившись. Эвелин поднялась к себе переодеться к обеду.

Профессор и Маргарет сели в кожаные кресла у окна, наблюдая за тем, как солнце золотит клёны. Маргарет достала блокнот и карандаш, начала делать быстрые наброски: угол веранды, далёкий хребет, на который напоздали первые тучи. Свет за окном постепенно менялся: золото уступало место бронзе, а затем и свинцовой синеве.

И в этот момент, когда солнце коснулось вершины дальнего хребта и брызнуло оранжевым светом в окна, к подъезду отеля подкатил автомобиль.

Это был не «Паккард» и не «Роллс-Ройс» — машина для богатых, но скучных людей. Это был Duesenberg Model J. Одна из первых моделей, снятых с конвейера. Длинный, приземистый, с обтекаемым кузовом цвета тёмной вишни, с хромированными выхлопными трубами и спицованными колёсами, он урчал мотором, как сытый зверь, и заставлял прохожих оборачиваться. Даже швейцары на мгновение замерли, забыв о своих обязанностях. В лучах солнца его кузов полыхал багрянцем, а хром отражал бликами небо.

Автомобиль замер у ступеней. Двигатель умолк, и в наступившей тишине было слышно, как где-то вдалеке каркнул ворон. Дверца открылась, и из неё вышел Джек Ренье — его полное имя звучало как Жак Ренье, но для нью-йоркских редакторов и светских хроник он был просто Джек — так проще и для читателей, и для произношения.

Он был именно таким, как описывали его светские хроники: среднего роста, поджарый, с карими глазами и тонким шрамом на переносице — память о прошлом, о котором он предпочитал не распространяться. Короткий ёжик светлых волос — свежих, словно он только что принял душ. На нём не было ничего вычурного: серые брюки, белая рубашка с расстёгнутым воротом, синий блейзер с золотыми пуговицами. И всё же в нём чувствовалась та порода, которую не купишь ни за какие деньги, — порода выходцев из старых семей, чьи предки охотились на лис в Луизиане, а теперь предпочитали охотиться на сенсации в Нью-Йорке и Голливуде.

— Ваши вещи, мистер Ренье? — спросил швейцар, открывая багажник.

— Только саквояж, — ответил Джек, забирая кожаный чемодан. — И, пожалуйста, проследите, чтобы машину поставили в тень. Двигатель любит прохладу.

Он бросил монетку швейцару и направился к входу. Его шаги были бесшумны на ковровой дорожке. В вестибюле, когда он прошёл мимо кресел, где сидели профессор Вуд и Маргарет, какое-то шестое чувство заставило их поднять головы. Профессор даже отложил путеводитель.

— Кто это? — спросила Маргарет.

— Жак Ренье, — ответил профессор, узнавший его по фотографиям в газетах. — Колумнист. Светская хроника. И говорят, неплохой пилот.

Маргарет усмехнулась и ничего не сказала. Она перевела взгляд на лестницу.

В этот момент на верхней площадке появилась Эвелин. Она успела переодеться в вечернее платье цвета шампанского, с жемчужным ожерельем на шее и маленькой сумочкой в руке. Она спускалась медленно, но, увидев Ренье, замедлилась ещё больше.

Их взгляды встретились.

Не на секунду, а на три — тех самых три секунды, которые измеряются не временем, а его отсутствием. В этом взгляде было всё: прошлое, настоящее, обещание, которое они не смели произнести вслух. Эвелин слегка побледнела, её пальцы сжали перила. Потом она взяла себя в руки и прошла мимо, даже не замедлив шага. Она направилась к бару, где Гарольд уже заказывал свой двойной бренди, и улыбнулась мужу той улыбкой, которую отрепетировала за тысячу таких же вечеров. Гарольд, поглощённый бренди, не заметил ничего. Но если бы он поднял глаза, он увидел бы, как его жена на секунду превратилась в чужого человека.

Внизу, в вестибюле, Маргарет Вуд, наблюдавшая за этой сценой со своего места, заметила:

— Похоже, он здесь не один.

Профессор вопросительно поднял бровь, но жена не стала объяснять. Она только усмехнулась и вернулась к своему блокноту.

Ренье, в свою очередь, не подал виду. Он взял ключ от номера, поднялся наверх, и только там, оставшись один, позволил себе улыбку — невесёлую, скорее горькую, ту самую, которая бывает у человека, который слишком хорошо знает, чем заканчиваются такие встречи, и всё равно не может остановиться.

Джек швырнул саквояж на кровать, подошёл к окну. Внизу, на парковке, его «Дюзенберг» блестел в лучах заходящего солнца. А где-то там, в баре, Эвелин улыбалась мужу, который ничего не знал. Он представил, как она берёт бокал, как поправляет волосы, как смеётся, не слыша себя, — всё то, что он видел сотни раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.